

ЗАЩИЩАТЬ КАЖДУЮ ПЯДЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ!

ПОЧЕМУ ПОГИБ ИВАН ТОПЧИЙ

Вчера погиб Иван Топчий, боец нашей роты. Он был убит на моих глазах. Мне достаточно на одно мгновение сосредоточиться, и я представляю себе его падающим в предсмертной агонии.

Сегодня, когда наша часть вернулась на оставленные позиции, мы нашли его в траве. На скудном солнце его лицо сделалось серым, но на нем как-то особенно живо застыла печаль и слезы.

Иван Топчий был парень как будто неглупый и добродушный. Но то, что отталкивало от него — была его нерешительность, слабохарактерность. Когда он спрашивал у товарища совета, это было не стремление еще раз проверить себя, а желание заставить кого-то другого решать за него. Он был охвачен, когда находил пирожку или кусочек хлеба, за который мог выдать свою жизнь.

Вместе с Топчием в роту попал и другой человек. Он тоже был добродушным, но в отличие от Топчии, он был способен решать своих маленьких домашних дел, не мог, конечно, быть убежденным человеком и в более общем смысле. Но он не боялся, раз и навсегда определив свою цель, свое место в стране, в войне, в жизни? Он не боялся везти в авиацию свою страну и в свое собственное счастье, если он вообще не способен был на твердое убеждение и на святое, непреклонную веру?

В сложной переделки я попал в Топчиию. Первый раз это было под Киевом, у моста через Днепр. Около реки стоял наш бронепоезд, по которому немцы били из пушек и минометов. Вокруг моста возмущались серые столбы дыма, у нас были в воздухе взлетающие куски снарядов и груды земли.

По этому пути нужно было пройти на правый берег. Путь был краток, но пройти его значило пережить смерть.

Кто бывал под немецкими минами, тот отлично знает, с какой методичностью разлагается их отвратительный свист. Разрывы. Поднялись напряженные тышины. Снова разрывы. И ровно через полминуты все начинается сначала. Свист нарастает постепенно, мина летит медленно. Сам Топчий с дрожью в голосе уверял, что не раз видел собственными глазами ее кривую траекторию!

Мы научились уходить от немцев минами. Если она свистит справа, мы мгновенно перебегаем влево. Главное — быстро ориентироваться, намертво овладеть собой, подобрать всего себя для бешеного прыжка.

Минны они только Топчий. Когда раздавался взрыв, он еще долго не мог подняться, не мог оторваться от бугорка, который его так надежно укрывал. Самое долгое мгновение он тратил на борьбу с собой, на преодоление своего малодушия. Когда же он, наконец, пересиливал себя, поднимался и начал бежать, издалека уже долетал отзвук нового, аллюшного свиста. Разрыв почти всегда заставал его бегущим. Получалось очень смешно: когда вылезалась стая мины и все мы уже лежали на земле, укрываясь в складках местности, он один (тот, кто больше всех этого боялся) стоял среди ровного поля, совершенно беспомощно, растерянный и жалкий.

В конце концов он оказывался единственным раненым среди нас. Иначе и быть не могло. Топчий боялся, поэтому и попал в беду. Он боялся, поэтому так глупо и растерянно действовал, поэтому совершенно лишился способности управлять собой. Он не имел того непреодолимого убеждения, которое заставляет человека презирать опасность и делает его героем. Бесхарактерность, казавшаяся безобидной, неприятная жестокость завалила его отчаянно!

Война жестока, и много отважных людей сложили свои головы, с честью и слабой оставшая свобода родной земли. На последней переделке победы мы несомненно имеем многих смельчаков, многих решителей.

ПАЛАЧИ

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Трудно поверить, что этой женщине всего лишь 24 года. Зверские издевательства гитлеровских мерзавцев, надрыва телеса над ее телом, страшные ноют и ужас пытки за короткий срок подломали ее силы и сделали из молодой, цветущей женщины старуху, больного человека, ивдальца. Ее звали молодой, женой одной из командир Красной Армии. Теперь перед нами — озорливый, треплющий, озорывающий по сторонам старый человек. Большое личное горе и неопытный ужас всего пережитого вылились в ее черные локоны частые нити серебряной седины. Она пришла в лапы партизанский отряд. Назвала по фамилии и рассказала о страшном расправе, учиненной гитлеровскими порочниками над десятками мирных жителей в деревне К.

На заре обитатели деревни были разбужены треском автоматных и пулеметных очередей. Немский карательный отряд вошел в деревню...

Екатерина Герасимова, так назвали мы нашу собеседницу, схватила грудного ребенка и бросилась в подполье своей избы. Туза же она увлекла старуху-мать и четырехлетнюю девочку-сиротку. Подполье не могло служить надежной защитой от корчащихся багнетов. Но ужас предстоящей встречи с немецкими извергами заставлял беззащитных людей в погреб, под печи, в чуланы.

Каратели более часа последовательно «процесывали» деревню от одного края до другого. Они подожгли в каждой избе, прожгли в разбитые окна стволы автоматов и вышугали по несколько длинных очередей. После этого они кричали: — Матка, выходи!

Действующая армия. Командир эскадрильи истребителей капитан Н. Варчук и молодой летчик старшина И. Ларкин, сбившие в одном бою по три вражеских самолета. (См. корреспонденцию «Боевой экзамен».) Фото И. Колла.

Боевой экзамен

Один из других взлетов истребителя, приоткрывшись к взлету. Командир эскадрильи капитан Варчук, опытный летчик, совершивший 178 боевых вылетов, вел молодых летчиков-истребителей в первой боевой полет. Справа шел летчик Пантюхин, слева — молодой летчик, комсомолец Ларкин, позды — Соколов, Морозов, Журавлев.

Вскоре истребители заметили фашистские самолеты. Шли пятнадцать «Мессершмиттов-109Ф». Шесть против пятнадцати! Завязалась бой. Группа советских истребителей вела бой в строю. И, как и старшая фашистские стрелки разбиты группу, чтобы поинтереснее расстрелять самолеты, им это не удалось. Один фашистский самолет, облитый пламенем, рухнул на землю. Затем был сбит второй.

Действующая армия. М. КОЛЛИ.

КЛЯТВА

Клянусь: назад ни шагу! Скорей я мертвый сам На эту землю лягу, Чем эту землю сдать!

Суровой моей смертью Поюю мерой выны: Пусть покажет смертью Меня закон войны! Иосиф УТКИН.

РЫНОК НЕВОЛЬНИКОВ

В Германию уголяют русских девушек. Их продают там на невольничьих рынках. Ужасная судьба этих дочерей советского народа, попавших в немецкий плен. Вот письмо, найденное у убитого под Ленинградом обер-ферштера 405-го пехотного полка 121-й дивизии Куртша Ламермайера. Это письмо написано его матерью из местечка Люте близ Эйнкерн-рута:

«Вы пишете, что войной сыт по горло. Но мы пытаем надежды, что когда-нибудь случится особенно. Ведь мы не быть чужды. Вчера днем и нам прибавила Анна Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена. У них в самаринские повесилась русская девушка. Хотя Анна Лиза обрела веревку, туля в русской уми не была. Она была мертва. Наши работницы-полюки говорят, что феру

Ростерт все била и вугля русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах. Поносила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы узнали феру Ростерт. МОЖНО ВЕДЬ ЗА НЕДОРОГую ЦЕНУ ПРИОБРЕСТИ НОВую РУССКУЮ РАБОТНИЦУ».

Не нужно слов! Шапки долой перед русской девушкой, которая предпала смертью рабству у немцев. Вздвгнемся бойла, сразившего святой дулей немецкого негодия.

Будем молить проклятым душегубам, будем убивать без пощады и милосердия немецких извергов, вторгшихся на нашу землю, чтобы поработить советский народ. Николай ТИХОНОВ. («Красная звезда», 2 августа).

Погоняемые автоматчиками, сопровождаемые волнами всей деревни, приговоренные похлепать в конце деревни. Картина массового расстрела допоялась рабством и пожаром. Пока одна группа немцев пачала вершина зверскую расправу, другая подошла к деревне. Старуха-мать Екатерина Герасимовой решила умереть вместе с дочерью. С вучичком на руках она бежала за дочерью, шедшей на расстрел, и кричала:

— Проди! И меня убейте! Бейте, проклятые!

И ее били. Били чем попало. 70-летняя старуха пачала, роняла внаку, вновь находила силы, поднималась, поднимала ребенка и снова бежала за дочерью.

Около моста прозвучал расстрел. Расстреливали из автоматов, очередями. Сначала упали, сраженные пулями, Григорий Ермаченко, Петр Афанасов и Петр Кондратов. За ними — Григорий Доросенков, Матвей Марин, Иван Марин, Григорий Солдатов, Григорий Левин, Мария Савинкова, Алексей Салдатов, Петр Никитин, Андрей Савинков, Мария Кондратова и Василий Кондратов.

14 жителей деревни К, бесстрашно приняли смерть от фашистских пачалей. Деревня их была предана разграблению и огню. Десятки семей, оставшихся в живых, частью бежали в лес, частью были силой отправлены в глубь оккупированных областей в концентрационные лагеря, на земляные работы, отваны в рабство. Деревня К, не стало.

Единственный оставшийся в живых свидетель кровавой расправы — Екатерина Герасимова. После долгих дней штыков и истязаний в фашистских штабных застенках ей удалось бежать, прийти в наш партизанский отряд и рассказать всю эту ужасную трагедию.

— Я не была партизанкой, — заявила Герасимова, — и не знаю, возьмете ли вы меня в отряд: слаба я здоровьем и сил во мне больше нет. Но пока теплится жизнь

НИ ШАГУ НАЗАД!

Как может красноармейское сердце терпеть такое, что немцы наступают, а мы продолжим отдавать ему нашу землю, наши города и села, обрекая наших детей, жон и матерей на жестокие муки и горькое прощание!

Верховное гитлеровское командование горюится упродить неизбежные, страшные смуты, сбитыя. Оно пытается захватить как можно больше советской земли и воспользоваться не им посевными хлебом на Дону и Кубани и, этим еще раз подхлестнуть настроенье себя в тылу и на фронте; у Гитлера доверчивых дураков еще много, и вагоны с советской пшеницей, всеобщим, везут на фронт торжества у людей и голодными болячками на губах.

Германский шаг свирепеет на каждого своего солдата как на добытчика: он-то уж призывает к хуторок с мельницей и шпешичными полями, и в Берлин пригонит рабаны — славянских девушек, не пропустит ни куска сала, ни хвоста вяленой рыбки, аккуратно укладывает для посылки одеяло с пуховой подушкой, и казачьи суконные шаровары, и сдернет с казачки рубку и кофточку, и влезет в ее сумку, втерев кровь со своей ланы.

Гитлеровские солдаты идут на добычу. Они прут: они понимают, что негодяйско связаны с Гитлером и всей фашисткой Германской общностью кровавого преступления, — они боятся суда больше, чем смерти.

Германское командование намеревается вернуться к богатейшим районам нашей страны, к хлебу и нефти. Тогда немцам уже не понадобится зарывать свои танки, тогда фашистские пилорешники с командами безушных, белобрывых издальщиков, жадных до убийства, спод

АЛЕНУШКА

Хотя Алenuшка нет и пяти лет, у нее две русые косы, а в косах голубенькие ленты. Фельдшерица Мария Григорьевна советует всем колхозникам непременно стричь ребятенек начево, но об алениушких косах никогда ничего не говорит. Представляет себе махонькую, ладную, голубоглазую девочку с ласковым смугляным лицом, с светлыми косичками, а в косичках — ленты того же цвета, что и глаза... У девочки не надо стричь Алениушку!

У девочки есть два брата — Петруня и Гришутка. Нынешней весной Петруня перешел во второй класс, а Гришутка еще не учится: ему только семь лет. Об Алениушке и ее братьях колхозники говорят нежно и заветливо: «Всегда-то они общитые, общинные и, когда ни поглядываешь, всегда чистенькие, аккуратные, а ведь блуждают, как и наши...» Иные матери очень дивятся Дарье Савостиной: «Когда это она успевает убраться и на ферме, и во дворе, и с тронии ребятами...» Дарья работает старшей телатиншей и уходит на ферму перед рассветом, а возвращается только в сумерки. Весь день она в хлопотах, заботах: топят в телатинне печурки, моет коровники, поилаи, пол, овна, носит с гуinea солому для подстилки, всечески выхаживает слабосильных телушек. Пожалеу, во всем колхозе нет никого старшего ее. Иногда она делает даже то, что должна были бы делать другие телатинши.

Впрочем, в последнее время Дарья очень редко приходится работать за поудру. Уж на что Сергееха, крутая, румяная, немнимо болтавшая бездельница, даже она, понав под начало Дарьи Савостиной, несколько изменилась. Правда, она никого не изумляет своим прилежанием, но все-таки приходит на ферму в положенный час, коржидит телушек, моет посуду, меняет подстилки... Говорит Сергееха попржему неустанно, но о Дарье Савостиной ни разу не сказала злого слова, хотя именно с бригадирами, зеньными и вообще деревенскими активистами она спорится особенно часто и потому охотно и даже выхололено слагает о них всякие сплетки.

Бажется, Сергееху покорила не столько бесконечная забота Дарьи об артельной ферме, сколько душевная, трогательно-красивая скромность этой женщины. Когда а телатинше заходит работники из районного городка и любуются племенными, славно выкорюльными, вымоеными телушками, светлыми подстилками, выжобленными, вымытыми полом, весело беседующими станиками, Дарья не вылезает вперед, не шлет похвал, не выговаривает громко: «У меня...» «Я распорядилась...» «Я завела свой порядок...» Ей все кажется, что в телатинне прорва всяких неадекватностей.

Муж ее Максим Савостин, артельный овощевод, ушел год назад на войну. Он нежно любит Дарью, ребяташек и в каждом письме много рассказывает о жизни семьи, о Петруне, Гришутке, но больше всего об Алениушке: «Подружили-то кто у нее?», «Поли, кухня у нее на огороде уже вся развалилась! Скажи ей: вернувшись, сложу печурку, наделаю разных горшков, ухаживай, потережки сделаю...» «Напиши, Дашутта, отводишь ты ее в детский сад или она с бабушкой? Лучше — в сад. И вообще опиши, какая она теперь есть...» Совсем недавно Максим написал:

«...Чего-то эти дни все вспоминаются один пусак: про «Шарика», как он от Петруни к ней убежал. Она ведь и не кормит его и внимания большого не обращает, а он все-таки у нее вернется и Петруню не признает. Живет «Шарик»-то? И потом все про «Белый песочек» вспоминаю и прямо голос ее слышу...»

Ребятишек в избе не было, когда Дарья читала это письмо. Она заплакала. Накануне ухода на войну Максим сидел вот тут на скамье, подле него стояли Петруня и Гришутка, они рассказывали отцу о войне и здорово ли отец будет «бабахать немцев» и прочее такое... Вбежал «Шарик» — мохнатая желтая дворятня, приобретенная недавно Петруней. Она, видно, ветрчала Алениушку, возвращавшуюся с бабушкой Ульяной из колхозного детского сада. Алениушка вошла в сияние сарафанчика, заложив руки за спину и лукаво и радостно потгивалась на отца.

— А у меня дядя есть, — проговорила она.

Тогда Алениушке не было и четырех лет, и ей все еще никак не лавались три буквы: Р, Ж и З, и она не могла произнести слово железно, а сказала: дядя. И ждала, что отец, взяв железную стружку, принесет из клятви инструменты и сделает как делал раньше, что-нибудь интересное: например, бабочку, выхаживающую крыльями...

Максим подхватил Алениушку, тодил на

ва и снова будут бодать и жечь наши города и селения, все, что вылетит им в отряд стрелотруб; будут гоняться за одиночкой машиной, подстрелят на пулеметной пушке на короте, доведут к лукошному тираю или четырнадцатилетнего кормильца в отцовском жилете ниже колен, пропихивающего партошку вмести с менишким браташкой, который велел лопать по бороде. Сейчас и не позже, в эти дни, сегодня каждый воин Красной Армии должен сказать своей сестры: Стой! Ни шагу назад! Стой, русский человек, враги ногами в ролную землю.

Святодуму неважно, жужже томление отомстить врагу за все его кровавые дела надо соединить с упорством: Упорство всего Красного фронта, всех частей и всех родов оружия, всех воинов — от генерала до еше об обстреланного красноармейца, встречающего гранатой набегающий танк, — вот обо что должна в борьбу и смерть разбитая наступающая фашистская армия.

Могучее, богатейшее русское упорство в обороне и встречном бою, в контратаках и в наступлении, на земле и в воздухе, — вот опия Красной Армии.

Преклоняя колена, падем край выдого святого знамени, князем не выдого атаки русской, не отступит более ни на шаг.

Больше нельзя оглядываться на наши необятные просторы и думать, что у нас еще очень много земли, куда можно поидтигаться, собравшись с силами. Силы собраны. Взор во взор, — пусть нечет опустит глаза, в которых ужасом мелькает тень смерти. Пешнев должно остановиться. Перед силой русского оружия угадут фашистские знамена.

Алексей ТОЛСТОЙ.

козени и пригляну лицом к ее плечу. Он дыкал запах сарафанчика, трав, доай-ственного мила, парного молока, тропательные и легкие запахи детского телца. Потом тихо, локмим голосом произнес: — Ну, спой мне, доченька... спой!.. Чуть нахмурились и чудесно картавая, и лемонжо захлебываясь, и не оканчивая слов, Алениушка пела:

«Во саду — садочек...
Тачку я катаю...
И беленьким песочком...
Дорожку посылаю...»

В одном месте она запуталась, и оттого рифма пропала, и Алениушка, недоумевая, спрашивала: — Ну, как, как? Ведь она была ровенькая.

«Ровенькая» — значит складная, рифмопала.

И вот еще недавно, всего три недели назад, Максим написал: «...все про «Белый песочек» вспоминаю, прямо голос ее слышу...»

Случилось так, что Дарья до сих пор не откликнулась на это письмо. Нет ни буквы, ни карандаша, да и как, с кем поладить совет?.. Во всей округе — от Валухе до Оскола — дуют от немцы.

...Шумят березки, орешник... Где-то в дремучих гушцах звонят и эвент зорянка, и Дарья слышится в ее звени: «Убит!.. Убит!.. Убит!..»

Каждое утро, сवार партизанам подбежку, калу, Дарья приходит на эту поляну и сидит под молодой тонкой березкой у левой стороны могильного холма. Тут лежит Алениушка, а справа — бабка Ульяна, мать Максима.

А Максим еще не знает ничего, чуть неслетает березки, в итоге замурован над муравой пышноцветные бабочки... И звонит, эвент незримая зорянка: «Убит!.. Убит!.. Убит!..»

И всякий раз Дарья мысленно слагает письмо Максиму...

«...Максимушка, крошечный мой, ласковый мой!.. Помни, Максимушка, светлой любовью ласочку маму Алениушку и мать твою Ульяну Васильевну...»

«...Когда Петров Анисим узнал, что немцы собирают восьмидесят человек на расстрел, прибежал ко мне, говорит: «Тяга тоже возмуть беги, пока можно, в Нежатский лес...» Это они в отместку за отбитых красноармейцев. Они ведь по валушской дороге раненым красноармейцев и трех полне решительных красноармейцев и трех полне отбитых наших партизан и унесли в Нежатский лес. Книгулась я за ребятами. Тула-сода, никак не найду: спрадласть куда-то с бабушкой, а Петров: «Бей, бей! Вон они уже Якова Дементьева повели, Суслыов Ануушку... Бей!..» Наказала, чтобы бабушка вывела ребят тоже в лес. И как была, так и побежала. Спустия немного пришел в лес дедка Григорий, липа на лез пет... «Идите в Манюшский дог, идите!..» А что там, не говорит, задыкается. «Идите, идите, без так!..» Сразу поудало мое сердце. Побежала, За мной — Сергееха, Дурина Прасковья... Навстречу — Петруня с Гришуткой: «Мама, бабка ушла, все в крови... И Алениушка тоже ушла...» Божим. Тут Дементьева Адафа с ребенком свалилась, тут — хутие... Бросясь я к бабке, себя не помню. Лежит она без дыхания. А Алениушка нет. Где, где? У нее пули прошли, невозможно вое гудели, и она, видно, пробежала сколько-то шагов и упала в рожь. Сергееха увидела, вынесла ее, а у нее глаза открытые...»

«...Максимушка, ласковый мой, вот чего они сделали с нашей доченькой и с твоей матерью и со всеми детьми, которые несли в руках ребят. Прямо по ним с горы и стреляли, и кто нес ребятот, те все убийцы. А Петруня и Гришутка шли по нгузу, во рожь, и пули их не достали...»

«...Симу сейчас у могилки... Так без гробика и похоронил ее. Сердце мое отравлено и летит в промаш...»

«...Максимушка, от своих партизан не уиду никакуда. А с партизанами управляет: хоть я в лесех, а в крошечной семье. И шлю тебе, мой Максимушка, мой ласковый, шлю о могилки нашей ласочке свое мнение и материнское слово: пускай от руки твоей поладает за своих сыновей не она всяких сердце, не зародит рука: души и души их, сколько только хватит твоих слез...»

«...Где-то близко, над самой могилкой Алениушки, золотого и пожелтевшего произвела зорянка: «Убит!.. Убит!..»

А. КОЛОСОВ.